

УДК: УДК 167/168=> 001.378.1: 061.6

ПОСТСОВЕТСКАЯ НАУКА: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. На основе вторичного анализа результатов проведенных социологических исследований намечены основные направления анализа генезиса и дальнейшего развития феномена постсоветской науки. Основное внимание уделено проблеме влияния глобального социально-экономического и социокультурного контекстов на формирование системообразующих элементов и факторов, определяющих развитие отечественной системы производства научного знания. Существенную часть статьи занимает анализ последствий радикальной реформы академического сектора для судеб российской науки. Сделан вывод, что наука в России сумела достаточно успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, научилась успешно совмещать научный поиск и коммерческие интересы. Вместе с тем чрезмерная зависимость сферы фундаментальных исследований от государства обуславливает слабость науки, ее слабое участие в инновационном развитии страны.

Ключевые слова: наука, постсоветское общество, глобальный контекст, рынок, адаптация, радикальная реформа, перспективы.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2020). Постсоветская наука: попытка концептуализации. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 94-102. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.94-102.

POST-SOVIET SCIENCE: THE ATTEMPT OF CONCEPTUALIZATION

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. On the basis of a secondary analysis of the results of sociological research, the main directions of the analysis of the genesis and further development of the phenomenon of post-Soviet science are outlined. The main attention is paid to the problem of the influence of the global socio-economic and socio-cultural contexts on the formation of system-forming elements and factors that determine the development of the domestic system for the production of scientific knowledge. An essential part of the article is devoted to the analysis of the consequences of the radical reform of the academic sector for the fate of Russian science. It is concluded that science in Russia has been able to successfully adapt to the new conditions of activity, has learned to successfully combine scientific research and commercial interests. At the same time, the excessive dependence of the sphere of fundamental research on the state determines the weakness of science, its weak participation in the innovative development of the country.

Keywords: science, post-Soviet society, global context, market, adaptation, radical reform, perspectives.

For citation: Ablazhey, A. M. (2020). Post-soviet Science: the attempt of conceptualization. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 94-102. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.94-102.

История постсоветской науки насчитывает порядка тридцати лет, что является хорошим поводом для анализа того, что представляет собой наука как специализированный социальный институт по производству рационального знания в современной России. Характеризуя современную науку как *постсоветскую*, необходимо понять, как происходил ее генезис, как формировалась и каковы основные черты государственной научной политики в современной России, каков «образ науки» в массовом сознании россиян и т.д. Основная задача статьи – выявление специфики современной российской науки, обусловленной, во-первых, ее несомненной связью с предшествующим этапом развития науки в нашей стране (советская наука), во-вторых, характером запросов и требований, которые предъявляют к науке государство, экономика и общество в современной России, в-третьих, ее включенностью в общемировые тренды трансформации системы производства научных знаний.

При написании настоящей статьи автор преследовал цель внести свой вклад в обсуждение проблемы, впервые четко сформулированной Р. Мертоном в конце 1930-х гг. [Мертон, 2006, с. 837-838], а именно: более-менее понятно, как наука влияет на общество (обеспечивая технический прогресс, являющийся залогом экономического роста, и т.д.). В то же время механизм обратного влияния гораздо менее понятен: проблемными являются представления о том, каким образом и в какой степени общество оказывает влияние на институт науки. В этой связи история российской науки представляет собой благодатное поле для анализа. На протяжении XX в. наука, как и все российское общество, пережила целый ряд драматических изменений, и понять их закономерности и направленность – сложная и вместе с тем крайне актуальная задача.

Приступая к анализу современной российской науки, следует с самого начала понимать, что это сложный социальный феномен, исследование которого требует принимать во внимание особенности как его генезиса – историю формирования научной сферы в пред- и послереволюционное время, уделив особое внимание углубленному анализу периодов как позднего («развитого») социализма, кризиса научной сферы 1990-х гг., так и функционирования в последние годы, включая реформу РАН, стартовавшую в середине 2013 г. Другое важнейшее обстоятельство – отношение общества к науке как источнику общественного богатства, равно как и к людям науки, которое не воспроизводится сегодня в прежнем виде. На смену восторженному отношению к науке как основе современной культуры, восприятию науки как «религии просвещенного человека» пришел неприкрытый скепсис относительно ее роли и вклада в духовную жизнь. Реагируя на запрос общества, наука как социальный институт, наряду с образованием, все полнее включается в *рыночные* правила игры. Мы сегодня вполне уверенно говорим о неолиберальной науке (варианты – пост-академическая, рыночная, коммодифицированная наука, технаука, наука эпохи эпохального перелома, «когнитивный капитализм» и пр.), имея в виду прежде всего коммерчески ориентированную науку, ученых-бизнесменов, режимы финансирования и производства знания, ориентированные в первую очередь на интересы заказчика, а не на процесс приращения знания. И это вызывает известное напряжение в смысле трансформации традиционного этоса науки в мертоновском смысле.

Вся история развития науки показывает, что этот социальный институт требует достаточно специфических условий для своего нормального функционирования. Речь не только о внимании со стороны государства или спросе промышленности на научные разработки. В первую очередь здесь следует говорить о фундаментальной науке, которая, как «весьма хрупкий и ранимый социальный институт ... требует для своего полноценного развития целого ряда трудно выполнимых условий, прежде всего политической стабильности и высокого уровня образования» [Несветаилов, 1995, с. 34].

Начиная с рубежа 1980-1990-х гг. (по крайней мере, в явном виде) развитие российской науки происходит в контексте тех тенденций, которые характерны для мировой науки в целом. Следует предположить, что целый ряд векторов развития, актуальных для институционального устройства и практики проведения научных исследований, включая трансформацию традиционного этоса науки, которые можно обозначить обобщающим термином «неолиберальная наука», сегодня не менее актуальны и для отечественной системы организации исследовательской деятельности, которая, тем самым, стремительно теряет черты, роднящие ее с организацией науки, бытовавшей во временном интервале 1917–1991 гг. С другой стороны, необходимо принимать во внимание и то важнейшее обстоятельство, согласно которому организация фундаментальных исследований и высшего образования в современной России, равно как и управление ими, во многом продолжают сохранять (или сохраняли до самого последнего времени) те традиции и специфику, которые были характерны для советской науки. Перед исследователями стоит насущная задача проведения детальных исследований того, как именно неолиберализм трансформирует технологии и науку как на глобальном уровне, так и в рамках конкретной национальной модели науки. Такого рода исследования требуют не только нового набора исследовательских вопросов, методики и методологии в целом, но также более тщательного анализа того специфического политического, социально-экономического, историко-культурного контекста, в котором существуют как национальные научные сообщества, так и «Республика ученых» в целом [Аблажей, 2012, с. 160].

Согласившись с тезисом о том, что в целом социально-экономическое развитие страны в последние десятилетия протекает в русле неолиберальной экономической политики, резонно предположить, что и организация научных исследований в таком случае носит неолиберальный характер. Согласно мнению целого ряда исследователей, неолиберальная политика в сфере науки включает ряд критически важных элементов. Первым по значимости, бесспорно, является снижение бюджетного финансирования. Государство стремится максимально освободиться от бремени расходов на науку, стимулируя усилия по переводу на самоокупаемость и поиск альтернативных источников финансирования. Речь при этом не идет о снижении уровня финансирования: налицо ускоренная диверсификация источников финансирования за счет корпораций, филантропических организаций, прежде всего частных фондов, и т. д. Как итог, в развитых странах, даже с учетом резкого падения уровня государственного финансирования в последние два десятилетия, в целом наблюдается рост расходов на науку в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП). Так, по данным Всемирного банка, на 2012 г. он составлял в США почти 2,8 % (в 1996 г. – 2,44 %). В Китае в том же 2012 г. на науку тратилось без малого 2 % от ВВП, тогда как

в России – чуть более одного процента. И это при том, что в одном из наиболее тяжелых для российской науки 1996 г. он равнялся 0,97 %¹, тогда как в Китае – 0,57 %. Таким образом, расходы на национальный институт науки в Китае выросли на 16 лет почти в 4 раза, в то время как в России лишь на несколько долей процента. Другими словами, экономический рост, продолжавшийся все 2000–е годы, почти никак не отразился на важнейшем для науки показателе, исходя из чего отечественная научная сфера не смогла совершить стратегический рывок в развитии. Как итог, в период с 2006 по 2010 гг. удельный вес публикаций отечественных ученых в общемировом массиве составил лишь 2,6 %, тогда как для китайских ученых он равен 8,4 % [Adams, King, 2010, p. 5].

Складывающиеся внешние условия вынуждают научное сообщество не просто воспроизводить прежнюю риторику и аргументацию для самозащиты и сохранения благоприятной общественной атмосферы, но искать новые способы общения с обществом, корпорациями, государством, доказывая необходимость продолжения научных исследований. Важная, но пока плохо осознаваемая научным сообществом и в силу этого сложная для решения проблема: налаживание продуктивного диалога с обществом, с потребителем производимых знаний. Сложность здесь заключается в том, что для российской науки ведущими дисциплинами традиционно являются физика, космология и т. д., тогда как сегодня наиболее востребованы дисциплины, польза которых гораздо более очевидна для массового сознания: медицина, биология, экология, технологически ориентированные отрасли исследований.

Ключевое значение имеет формирование и оценка основных принципов государственной научной политики и специфика организационного устройства науки в современной России. На наш взгляд, сегодня мы являемся свидетелями борьбы за лидерство в сфере производства и внедрения инноваций, борьбы за то, кто первый в связке – наука или технологии (технонаука!), и сказать, кто станет победителем – пока невозможно. Однако уже сегодня можно уверенно говорить о том, что академическая наука, в том числе в Сибири, смогла успешно адаптироваться к условиям рынка, а последние годы небезуспешно пытается адаптироваться к новым условиям функционирования, вызванным радикальной реформой науки 2013 г. История реформы показывает, что научная сфера, в отличие от многих других, крайне консервативна и инерционна и не поддается быстрым изменениям. Ситуацию усугубляет также и то обстоятельство, что основные мероприятия реформы были задуманы еще в середине 2000-х, тогда как практическая реализация началась спустя несколько лет, когда существенно изменились – в негативную сторону – внешние условия проведения. Это касается и ухудшения экономической ситуации, и внешнеполитической конъюнктуры. Все это резко сузило возможность маневра и спектр возможных адаптационных стратегий. С другой стороны, вновь подтвердился тезис о том, что революционные преобразования институционального устройства науки, равно как

¹ См.: «Когда заходишь в наши институты, очень часто хочется сказать “вау!”: Интервью Михаила Котюкова, руководителя Федерального агентства научных организаций, газете «Ведомости» // Ведомости. 15 сентября 2014. № 171 (3675). URL: <http://www.vedomosti.ru/library/library-persons/news/33439761/kogda-zahodish-v-nashi-instituty-ochen-chasto-hochetsya> (Дата обращения: 02.10.2020).

и революционные научные открытия, отнюдь не всегда успешны и с большим трудом принимаются научным сообществом. Спектр имеющихся мнений относительно реформы в основном находится в диапазоне от резко до умеренно критических; лишь небольшая часть ученых, главным образом молодежь, безусловно «за» реформу, воспринимая ее как шанс для себя. При всем при этом научное сообщество продолжает рассчитывать на то, что государственная научная политика будет меняться в сторону, благоприятную для науки. Институты нашли способы взаимовыгодного сотрудничества с промышленностью, корпорациями в сфере энергетики и лесного хозяйства, успешного участия в крупных международных проектах, таких как Большой Адронный коллайдер. Сильный толчок к развитию получили ведущие вузы академических центров Сибири – Новосибирска, Красноярска, Томска, Иркутска, – получившие статус федеральных и национальных исследовательских университетов. Академическая и вузовская наука де-факто является элементом инновационной системы страны.

Среди очевидных эффектов радикальной реформы академического сектора науки выделим следующие. Активизация поиска новых источников финансирования: «посадили на это дело специального человека, чтобы он рыскал»; «мы не пренебрегаем ничем, берем даже маленькие договора»; «положительного пока ничего не ждем». Обратим внимание на несколько важных моментов. Прежде всего, подобная ситуация уже разительно отличается от той, что была еще 3-4 года назад, когда финансовое положение учреждений науки стало очень достойным и каждое собрание Сибирского отделения РАН начиналось с победных реляций о постоянном растущем среднем размере доходов научных сотрудников Отделения. Теперь фактом является постоянный секвестр бюджета и институты вынуждены «резать по живому», сокращая те или иные статьи расходов. С другой – налицо и факт достаточно быстрой адаптации, большое разнообразие источников финансирования.

Смена директорского корпуса: «нет адекватной замены нынешнему директору, через две недели уходящему со своего поста»; самая распространенная схема изменений – прежний директор остается в качестве научного руководителя и, по сути, сохраняет за собой основные управляющие функции в отношении сугубо профессиональной составляющей деятельности института. Новому руководителю (а чаще всего речь идет о и.о. директора) достаются функции ведения всей формально-бюрократической стороны дела; «есть сложности и с заведующими лабораториями»; еще вариант – выдвижение кандидатуры от региональной власти, как случилось в Чите.

Самый очевидный эффект – бюрократический вал: «плодим никому не нужные бумаги», «ученый секретарь только этим и занимается». Это общее место всех взятых нами интервью, самое очевидное последствие реформы. И понятно, почему люди науки так тяготеют этим – они отдают себе отчет в том, что к науке подобные бюрократические игры не имеют почти никакого отношения.

Налицо структурные изменения, зачастую носящие вынужденный характер: «мы инициатором каких-либо институциональных изменений никогда не выступали», «мы самодостаточный институт, имеющий свое направление». При этом наиболее дальновидные руководители заранее готовят планы структурных изменений: «в нашем [Иркутском] научном центре была подготовлена, на всякий случай, своя программа реструктуризации ...

есть одно важнейшее условие – чтобы сохранялась юридическая самостоятельность институтов».

Психологическая усталость от постоянных изменений: «самое главное наше пожелание – чтобы нас оставили в покое, мы работали и будем работать»; «все устали, большинство сотрудников считает, что либо вы уж совсем закрывайте нас, либо скажите, что все это прекращается и мы живем в стабильной ситуации. Т. е. правила игры огласите, которые будут работать 5 или 10 лет ... нам говорят – вот, на год еще продлили мораторий – это что значит? Что через год нас всех уволят или как? Что будет после окончания моратория? Какова цель вот этой реформы?».

Ученые – участники наших опросов последних лет, крайне негативно оценили планы по выделению группы ведущих ученых, с соответствующими бонусами по зарплате, оборудованию и пр. Работа с кадрами идет постоянно, всегда есть люди, с которыми нужно расстаться. Но никогда этого не делалось сразу, вдруг и в больших масштабах. Возможный итог – «полная дезинтеграция сложившихся коллективов и т. д., и т. д.». Этого боятся все – и те, кто может оказаться на улице в силу понятных причин (возраст и пр.), и вообще все. «Не надо резких движений, мы и так эту работу проводим постоянно, идет обычная, нормальная работа. И ведь это не просто проект – нас заставили просчитать, что будет в случае его реализации. Мы просчитали последствия – если мы начнем реализовывать эти планы, останется четверть института, если добиваться тех параметров (средняя зарплата и пр.), которых от нас добиваются. Из 200 человек останется 50. В соседнем институте из 800-900 человек остается 100 или 200. Будем надеяться, что такие планы не пройдут, потому что народ просто выйдет на улицу. Если эти планы, под нажимом, но осуществляются – ну что, тогда просто закроем науку и все».

Не оправдалось несколько наиболее популярных сценариев развития ситуации в сфере академической науки вследствие ее реформирования, в частности, опасения, что начнется массовая научная эмиграция, в первую очередь молодежи. Это скорее популярный стереотип, сложившийся на этапе шоковой терапии науки в 90-е. Наши исследования со всей очевидностью показывают: адаптация возможна только как коллективная; индивидуальные стратегии адаптации, как правило, единичны. В условиях «большой науки», скроенной по лекалам Академии наук СССР, адаптация может идти только в рамках, как минимум, учреждения в целом. В этой связи очень симптоматичен тот факт, что ФАНО запустило с осени 2016 г. процедуру оценки *научных организаций*, а не индивидуальных достижений отдельного исследователя. Процедура и критерии оценки индивидуальных достижений разрабатываются руководством институтов, исходя из задач, стоящих перед ними (достижение навязанных «сверху» показателей по количеству публикаций на одного сотрудника и в целом по учреждению, цитируемости, средней заработной плате и пр.).

Отдельного детального анализа требует сформировавшаяся структура (возрастная, дисциплинарная, гендерная) российского научного сообщества. Налицо явные признаки того, что возрастной перекоп в сторону ученых старшего возраста, который на протяжении целого ряда лет был для него характерен, сегодня практически исчез. В то же время сохраняется феномен «двугорбого верблюда» – явный недостаток исследователей среднего возраста. По-прежнему актуально также исследование специфики адаптационных процессов,

процесса формирования новых профессиональных практик (публикационная активность, специфика межличностного взаимодействия, психологическое самочувствие ученых и т. д.).

Важный аспект – формирование «образа науки» в массовом сознании россиян. В провинции, на наш взгляд, до сих пор, несмотря на скепсис самих ученых, все еще сохранилось достаточно уважительное отношение к профессии ученого, к гуманитарной карьере, в частности. Это сказывается в большем уважении респондентов к своей профессии, значительная часть из них желали бы, чтобы их дети тоже пошли в науку (не хотят этого лишь около 1/5 опрошенных ученых, тогда в Новосибирске – почти половина). Наконец, учитывая более низкий уровень жизни в провинции в целом, гораздо более благоприятны и оценки своего уровня жизни. Несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллекта, к которому прислушиваются, и если этот интеллект сконцентрирован в научном сообществе, то его мнение становится тем более значимым. Поразительно, но сами ученые мало что делают для того, чтобы как-то трансформировать эти мифы, тем более, что они так или иначе влияют и на принятие важных для науки и образования решений (финансы, автономия, ликвидация отсрочки от армии для аспирантов, наконец, реформы науки, как правило, принимавшиеся без предварительного обсуждения с научным сообществом). Здесь также стоит обратиться к истории: Д. Горин в своей статье ярко показал, что «целостная позиция научного сообщества в современной России звучит все менее внятно, даже по таким ключевым для этого сообщества вопросам, как реформа науки и образования. История показывает, что авторитет науки в России укрепляется вместе с ростом общественного признания научного сообщества. Знаменитые профессорские кружки XIX века были очагами развития зарождавшегося гражданского общества. Сегодня научное сообщество отстаиванию внятной гражданской позиции предпочитает, похоже, роль зрителя в спектакле, разыгрываемом известными сценаристами. Не стоит удивляться, что это сообщество из субъекта общественной жизни все больше превращается в объект. А интересы объекта учитывать необязательно»². Тот образ науки, который характерен для среднестатистического россиянина, прежде всего очень консервативен. Ситуация в науке сильно изменилась, что почти никак не сказалось на устойчивом представлении об ученых как голодающих чудаках с учеными степенями. Все так же популярны и имеют высокие рейтинги шоу экстрасенсов или астрологические прогнозы. С другой стороны, в последнее время все более заметны попытки объективного, взвешенного, популярного – в хорошем смысле – разговора о науке.

Выделим несколько острых проблем развития науки в России. Во-первых, падение престижа научной деятельности в стране привело к тому, что молодые люди предпочитают использовать статус аспиранта и молодого ученого прежде всего в качестве законной возможности избежать службы в армии, выехать за рубеж для построения самостоятельной карьеры. Российская академическая наука также стала значимым институтом по подготовке высококвалифицированных специалистов как для корпоративной российской, так и для западной науки, которые нуждаются в подготовленных научных кадрах, особенно

² Д. Горин. Господин профессор // НГ-Наука. 28.02.2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2007-02-28/14_obraz.html (Дата обращения: 02.10.2020).

биологического профиля, в разработчиках новых технологий для наукоемкого производства. Проведенные в сентябре 2013 г. интервью в академических институтах Томского научного центра показали, что сегодня молодежь уезжает через несколько лет после окончания вуза, зачастую – даже не закончив аспирантуру.

Резкое сокращение финансирования фундаментальных исследований, по большому счету, не преодолено до сих пор. Это обстоятельство способствовало тому, что многие научные коллективы вынуждены искать новые, по преимуществу рыночные, способы финансирования исследовательской деятельности. Другими словами, современная российская наука, плохо или хорошо, но понемногу научилась зарабатывать деньги для материального обеспечения исследований, продавая результаты потребителям научной продукции как на зарубежном, так и на российском рынке. Очевидно, что при отсутствии реальной заинтересованности государства в научных результатах (а проводимая реформа это только подтверждает) наука в России будет вынуждена во все большей степени ориентироваться в основном на коммерческий или западный рынок научной продукции.

Важнейшей проблемой до недавних пор оставалось почти полное отсутствие возможностей для развития инновационного производства, что позволило бы эффективней использовать научный потенциал, окупая материально-технические затраты на подготовку кадров и разработку новых технологий. Возникновение вышеперечисленных проблем во многом обусловлено тем, что целый ряд институтов Академии наук на протяжении длительного времени пользовались повышенным вниманием государства, которое ориентировало их на поисковую работу в области фундаментальных проблем. Это привело к высокой степени зависимости от централизованных источников финансирования. И относительно короткий период поиска альтернативных источников финансирования сменился устойчивым вектором все большего преобладания финансируемых государством исследований.

Наши исследования научного сообщества сибирских центров академической науки, а это не только Новосибирск, но и Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, показывают, что российская наука сумела достаточно успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, научилась успешно совмещать научный поиск и коммерческие интересы. Наука, можно быть уверенным, сумеет пережить и задуманную реформу. Но в какой форме она будет в итоге проведена, какие потери и достижения принесет, каковы будут издержки, как долго наука будет адаптироваться к новой реальности – сегодня уверенно не может сказать никто.

Список литературы / References

Аблажей, А. М. (2012). Неолиберальный контекст постсоветской науки. *Вестник НГУ. Серия: Философия*. Т. 10. № 3. С. 155-160.

Ablazhey, A. M. (2012). Neo-liberal context of The Post-Soviet Science. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 10. no. 3. pp. 155-160. (In Russ.)

Мертон, Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.
Merton, R. (2006). *Social theory and social structure*. Moscow. (In Russ.)

Несветаилов, Г. А. (1995). Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки. *Социологические исследования*. № 12. С. 26-40.

Nesvetailov, G. A. (1995). The Center-Periphery relations and transformation of the Post-Soviet Science. *Sociological Studies*. no. 12. pp. 26-40. (In Russ.)

Adams, J., King, C. (2010). *Global Research Report. Russia: Research and collaboration in the new geography of science*. Thomson Reuters.

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: ablazhey63@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3693-8845.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020

После доработки 12.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020.

Ablazhey Anatoly – Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: ablazhey63@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3693-8845.

The paper was submitted 02.09.2020

Received after reworking 12.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020